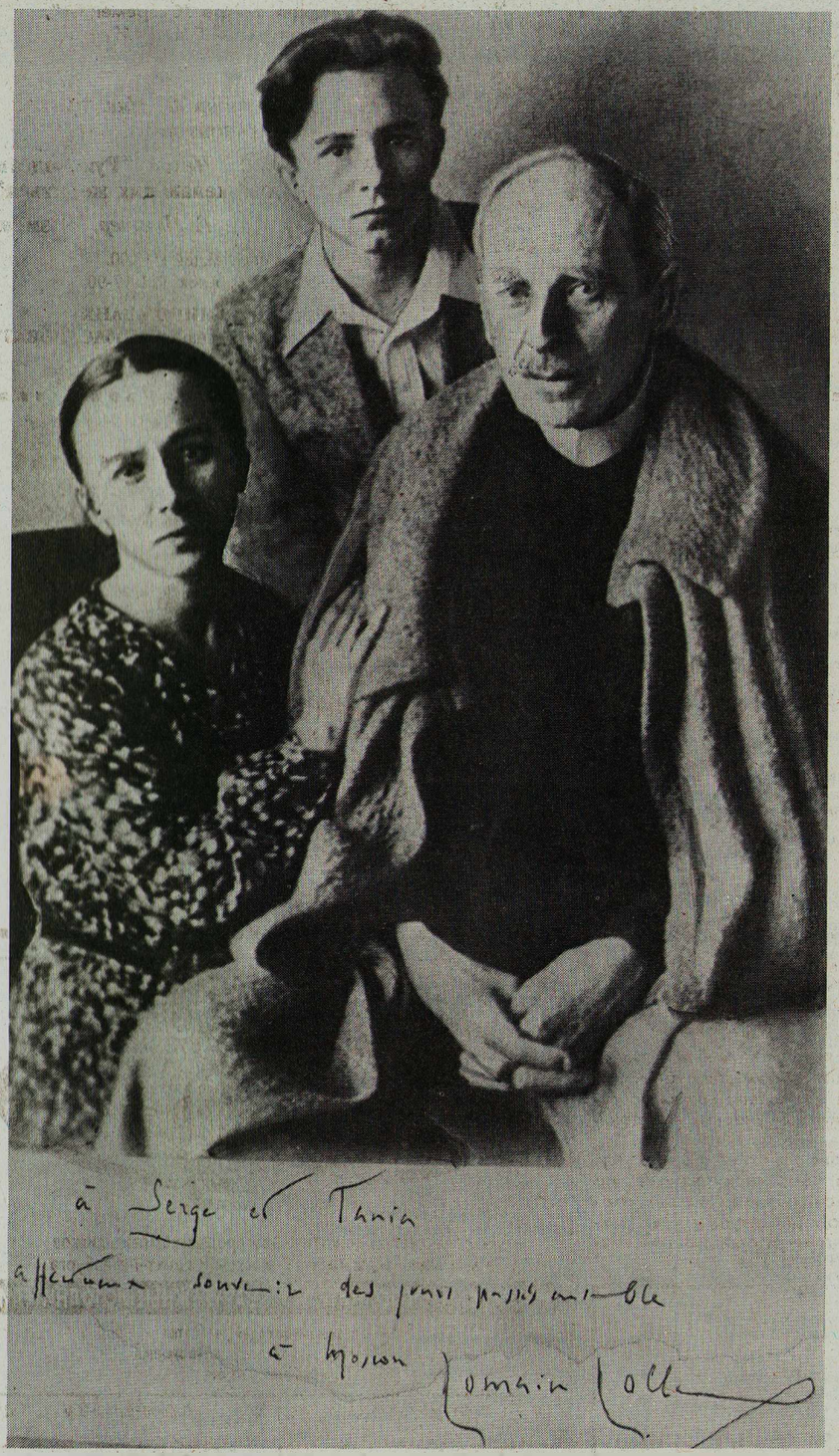
ЛЕЙТЕНАНТ КНЯЗЬ КУДАШЕВ



В полутемном вестибюле всегда почему-то неотремонтированного здания ГИТИСа я осенью 1966 года впервые встретил Татьяну Николаевну Кудашеву.

Сказал, что журналист, хочу написать о Сергее, ее муже. В сумерках забелел платочек, она подкесла его к глазам и беззвучно заплакала. Какое-то время мы оба молчали. Затем она пригласила к себе домой и продиктовала адрес.

А предшествовало этой встрече событие, меня поразившее: в "Записках отдела рукописей" Ленинки были опубликованы письма Ромена Роллана к Сереже Кудашеву, "названному сыну".

Эти письма прочитать бы каждому юноше... Великий писатель и мыслитель, создатель "Жан-Кристофа", "Кола Брюньона", "Очарованной души", исследований о гениальных музыкантах, писателях и художниках, автор цикла драм о Французской революции и других, пламенный публицист (среди западных писателей едва ли был другой такой неутомимый обличитель фашизма и войны), он по-своему сказался в письмах к русскому пасынку. Вся неистраченная отцовская мудрость и наставительность, все поучительные итоги собственного жизненного опыта излились в письмах к юноше, в котором он видел представителя так желанного ему нового мира.

Мать Сережи, Мария Павловна, рано вышла замуж и рано овдовела – князь Сергей Кудашев ушел в белую армию и умер от сыпного тифа, их маленький сын остался в основном на попечении бабушки, ибо молодой женщине пришлось зарабатывать свой нелегкий хлеб и секретарской службой, и литературным трудом, в частности, переводами, – Мария Павловна была русская по отцу, француженка по матери. В 1923 году она впервые – под впечатлением от только что прочитанного "Жан-Кристофа", написала Р.Роллану. Он ответил. Так началась их переписка.

В 1929 году он пригласил ее в Вильнев, на свою швейцарскую виллу, потом последовали еще визиты, а в 1934 году и законный брак.

Сережа несколько раз в предвоенные годы ездил к матери и отчиму и в Вильнев и потом, когда они перебрались во Францию, в Везеле, гостил у них, иногда подолгу.

Знаменитому писателю понадобилось все его влияние, чтобы Сережа, проявлявший блестящие способности к точным наукам, без страха сдал документы в Московский университет, "запятнанный" своим социальным происхождением, он жил всегда под этим проклятием. Роллан написал советским властям, в том числе – наркому просвещения Бубнову, что он ручается за пасынка. "Его отец был князем, но он умер в возрасте 23 лет, когда ребенку было всего три года. Что касается его матери, то она, можно сказать, "пролетарского происхождения".

Сережа стал студентом МГУ.

Не только блестящие математические способности и склонности к конструированию отличали его. В нем была, несомненно, военная жилка. Потомственная. На территории Киево-Печерской лавры есть надгробный памятник князю Кудашеву, награжденному золотым оружием за участие в Отечественной войне 1812 года.

В МГУ была военная кафедра, устраивались летние лагеря. И самым ревностным, дисциплинированнейшим их участником был Сергей Кудашев, будущий выпускник – лейтенант, артиллерист.

Татьяна Николаевна мне рассказывала: когда началась вторая мировая война, Сережа уже начал беспокоиться, возьмут ли его в армию: причина все та же – дворянин, князь. Уже в июне 1941 года его отправили в Прибалтику, но с полдороги военный эшелон повернули, и Сережа еще в пути, отправил в Москву Тане отчаянное письмо: пусть немедленно пойдет в райвоенкомат и напомнит, что Кудашев ждет мобилизации в действующую армию.

В военкомате, рассказывала Татьяна Николаевна, она застала почти окопную сценку: сидя вчетвером, военные пили из железных кружек чай с сахаром вприкуску. Комиссар ей сказал: "Не беспокойтесь, не забудем про Сергея Кудашева".

Безмерно геройски, трагически просчетный сорок первый год... В самом центре великой русской равнины многие советские армии попадают во вражеское окружение. ГлавПУР пускает в оборот презрительное словечко "окруженец", тогда как не было ничего более мужественного, чем продолжать драться в окружении и с боем идти к своим.

В начале осени к Сережиной бабушке является красноармеец и рассказывает, что лейтенант Кудашев собрал и возглавил группу пробивавшихся из окружения и в неравном бою погиб под Вязьмой. Потрясенная услышанным, бабушка не забывает накормить вестника, но забывает спросить его имя, фамилию, адрес.

Так и остается неизвестным место гибели русского офицера, князя Сергея Кудашева. Ничего не было известно о нем и матери. Приведу здесь отрывок из письма Роллана к другу, Луи Жилле, от 18 января 1943 года: "У меня нет родного сына, но есть приемный сын (есть ли он у меня еще?), красивый и славный юноша, умный и честный – я очень люблю его, и вот уже три года ничего о нем не знаю; ему повезло, к моей зависти, он нашел радость жизни в математике, как я в музыке"...

Ему повезло...

❖

Татьяна Николаевна умерла в январе этого года. Ей я обязан не только рассказами о муже, его жизни и гибели, но и встречами с М.П. Кудашевой-Роллан. Когда та приезжала в Москву и останавливалась на Конюшковской, туда попадал и я. И вот, представьте, только теперь, просматривая свои дневники, неожиданно нашел след первой из встреч с Марией Павловной, причем ее рассказ касался преимущественно Сережиной судьбы. Вот она, дотоле не тронутая запись; привожу ее с некоторыми пропусками.

15 января 1970 года.

Вчера, точно в условленное время, пришел к Татьяне Николаевне Кудашевой.

Тут же вышла в прихожую Мария Павловна.

Легко, подвижно, приветливо.

Такой оживленной, деятельно-доброжелательной была в продолжении всей нашей беседы. Видно, что это — заслуга Т.Н., неплохо меня отрекомендовавшей. И — громадная школа общения у Кудашевой-Роллан. И все же... Время от времени "забывала", как по-русски такое-то слово. И словно бы мимоходом призналась, что в родном Ленинграде была за последние годы однажды и очень недолго. Рассказ ее начинался издалека:

— В 1928 году я с Сережей приехала погостить к друзьям на их хутор под Житомиром. Была там и Таня. Ей уже семнадцать, она на пять лет старше Сережи. Танцовщица, красивая. Конечно, она на него и не смотрит...

Потом (я уже уехала к Роллану), когда Сереже исполнилось семнадцать, его к нам пустили. Первый раз за границей, от нас подарки всякие, а он ходит, как тогда на хуторе, мрачный. "Что с тобой? — спрашиваю. — Может быть, у тебя политические неприятности?" — "Какие глупости! — отвечает. — Я боюсь, что Таня выйдет замуж. Ведь я перед нею — попрежнему мальчишка". Советую ему: даже если бы ты рядом с ней и был мальчишкой, добивайся ее! И Таня будет с тобою.

И вот однажды приходит телеграмма: "Сегодня женимся надеемся на ваше согласие Сережа Таня". Как видно, он почерпнул у Роллана и у меня решимость: надо твердо добиваться союза с любимой.

Говорю Марии Павловне, что в книге Т.Мотылевой о Р.Роллане упомянуты их запросы в 1944 году к посольству о судьбе Сережи.

— Да, — отвечает она, — мы спрашивали. Сотрудник нашего посольства... как это? атташе? отвечал, что, мол, наводили справки, но — никаких сведений. Думаю, они давно уже знали о гибели Сережи, но просто не сообщали нам. И, может быть, верно делали, что Роллану тогда не сказали этого — за месяц до его смерти. Для него и для меня это было бы таким страшным потрясением! Я как-то говорила Роллану, что если бы знала, что Сережа погиб, то не сказала бы ему. "Нет, — решительно ответил Роллан, — нет и нет! Ты должна была бы мне это сказать!"

Роллан умер в Везеле, а две недели спустя я получила письмо от Шарля Вильдрака. Он жил в Париже как раз напротив советского посольства и был знаком со многими сотрудниками. Они-то, сообщал он, знают, что Сергей Кудашев погиб, но скрывали от вас...

Прибавлю, что у Сережи было твердое намерение в случае войны быть на фронте. Этого намерения ничто не могло в нем поколебать. Он как раз был у нас в Везеле, когда все узнали о советско-германском пакте. Пакт потряс и Роллана, и Сережу. В Европе уже шла война. Я сказала Сереже: "Оставайся, иди во французскую армию". — "Нет, — отвечал он, — я еду". В той обстановке добраться до СССР было очень трудно, но он сказал: "Я еду".

Профессор Перюс выпустил книгу "Горький и Роллан". Два раза упоминает Сережу, и два раза ошибается. Так, Сережа погибает у него... под Ленинградом. Вторая — о встрече у Горького. В действительности было так. Однажды приехали четверо "великих" — Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович. Присутствовал и Игнатьев, в прошлом граф, а в ту пору директор завода. Он был видным изобретателем, дружил с Горьким. И с Сережей познакомился и подружился; у них было общее: математика, военное дело.

И вот здесь Ворошилов спросил у Игнатьева: "Ну как у вас на заводе? Как отношения с рабочими?" — "Хорошо на заводе, — ответил Игнатьев, — и отношения хорошие, но рабочие, как мне представляется, думают: "А все-таки ты — граф!" Тут Сталин сказал: "Какие дураки! Ничем им не вобьешь, что надо с человека спрашивать не то, кто твои родители, а кто ты есть сам".

Естественно, Сережа очень заметил эти слова Сталина. У него был "комплекс"; ему казалось, что всегда его спрашивают: "А ты кто?" И можно его понять, если он после ужина говорил мне с восторженным лицом: "Ты слышала, что Сталин сказал?!". Ошибка Перюса в том, что у него Сталин говорит это не Игнатьеву, а самому Сереже...

— А что вам запомнилось, — спросил я Марию Павловну, — в поведении Сережи во время его приездов к вам?

— Мы жили тогда в стороне от Вильнева, снимали небольшую дачку. Для поездок в Монтрей служил трамвайчик, он ходил внизу и его надо было подолгу ждать. Тут же в маленьком домике можно было закусить, купить кое-что, а вот скамеек не было, для хозяина люди были только покупателями. "Глупо, — сказал Сережа. — Вынуждают тебя купить что-либо, а ты ждешь трамвая и тебе бы присесть... У нас поставили бы скамейки". "У нас" — это в нем постоянно пробивалось сквозь заграничные впечатления.

Он захотел однажды подняться высоко в горы, воспользовался фуникулером, но дальше, где ожидал увидеть дикую величественную природу, увидел роскошный отель. И оценил это так: у нас в горах интереснее, у нас сохранились дикие виды...

Я сказал Марии Павловне, что, видно, даже бывая у них, Сережа душою оставался на Родине. Что еще я мог сказать?

И. РОТИН.

● ***Мария Павловна Кудашева-Роллан, Сережа Кудашев, Ромен Роллан. Этот снимок висел в доме Татьяны Николаевны Кудашевой и, согласно ее воле, передан теперь Музею А.М. Горького.***